

Глава 31, часть 1: Мужественный брат Ле— Здравствуйте, девочки! — бодро приветствовал всех мастер Цай, прежде чем, вместе с остальными, отправиться в обратный путь. Их визит в ларек длился недолго – меньше четверти часа. Казалось, они зашли всего лишь ради сладкого желе, но не все так просто. Когда карета скрылась из виду, постоянный клиент Юй Цинцзе, с нескрываемым любопытством, обратился к хозяину:— Босс Юй, правда ли, что вы излечили второго молодого господина семьи Цай от анорексии? Юй Цинцзе, с легкой улыбкой, ответил:— Я просто дал несколько рецептов. Ми Гээр рассказывал, что аппетит второго молодого господина заметно улучшился.— Значит, ты собираешься работать в доме Цай? – мужчина, с легким недоверием в голосе, уточнил. – Ты по-прежнему будешь открывать ларек? Ведь мастер Цай, как известно, пригласил Юй Цинцзе готовить в резиденции семьи Цай. — Нет, я буду просто гостем, — ответил Юй Цинцзе, качая головой.— Было бы очень хорошо работать в семье Цай, — вздохнул мужчина, с явной жалостью. – Они щедро платят, и отношение к слугам самое лучшее в городе. Если ты хочешь пойти, то это очень хорошо. Позволь мне сказать тебе, если ты сможешь угодить второму молодому господину Цай своей едой, то семья Цай не будет относиться к тебе легкомысленно. Окружающие закивали в знак согласия. Юй Цинцзе, с мягкой улыбкой, добавил:— Это правда. Но я просто долгое время была расстроена и решила открыть ларек сама. Началась оживленная дискуссия. Одни утверждали, что идти в дом Цай – это удача, а открывать ларек – непосильный труд. Другие же, напротив, считали, что лучше быть самому себе хозяином. Поход в чужой дом на работу – это всегда зависимость от прихотей работодателя. Спор не утихал, и не было причин отдавать предпочтение какой-либо из сторон. В разговоре вновь всплыло имя семьи Цай. Юй Цинцзе, работая, продолжал слушать. Из разговоров он узнал немало интересного. Чан Хао, забрав пустые миски и медные монеты, подошел к Юй Цинцзе, поправил его одежду и, склонившись, тихо спросил:— Брат Юй, оказывается, хозяин Ми Гээр – из семьи префекта. Этот старик был отцом нынешнего префекта, верно? Юй Цинцзе кивнул, с легкой улыбкой глядя на Чан Хао:— Да, ты боишься? Чан Хао покраснел, но честно ответил:— Префект немного страшный. Для маленького крестьянина из деревни, уездный судья, нет, даже мелкий чиновник в уездной канцелярии – это пугающая фигура. Что уж говорить о префекте, который намного выше по рангу.— А как ты думаешь, Ми Гээр и Фу Бо страшные? — спросил Юй Цинцзе. Чан Хао, качая головой, ответил:— Ми Гээр и Фу Бо очень хорошие, добрые, не страшные.— Тогда ты считаешь, что старый мастер Цай был страшным? — спросил Юй Цинцзе. Чан Хао, на мгновение задумавшись, добавил:— Он улыбался, похоже, он был не таким уж страшным? Юй Цинцзе, погладив мальчика по голове, серьезно сказал:— Сяо Хао, люди из семьи Цай Да – такие же обычные люди, как и мы. Им тоже нужно есть и пить, и бывают времена, когда они счастливы и несчастливы. Ты должен относиться к ним как к обычным людям, вежливо и искренне. Просто будь самим собой, не бойся, понимаешь? Чан Хао нахмурился:— Это нормально? Не подумают ли они, что я неуважительно к ним отношусь? Юй Цинцзе, качая головой, понимая, как люди отзываются о семье Цай, сказал:— Нет, просто будь вежлив. Мы им ничего не должны, и мы не сделали им ничего плохого. Люди, которые действительно хотят с тобой дружить, не волнуются о твоём происхождении, статусе или наличии у тебя денег. Если их это волнует, то тебе не нужно с ними дружить, и тебе не нужно заводить с такими людьми глубокую дружбу, понимаешь? Чан Хао, хотя и волновался, но доверял Юй Цинцзе. Он кивнул, соглашаясь:— Понятно.— Что ж, займись делом, — сказал Юй Цинцзе, снова погладив мальчика по голове и отпустив его. Он не стал говорить ему о том, что все люди равны, ведь в те времена это было слишком нереально. Но он надеялся, что у маленького мальчика будет искреннее сердце, которое не будет ни скромным, ни высокомерным. Хотя они говорили негромко, Чан Ле, который мыл посуду рядом с ними, все равно слышал их разговор. Он посмотрел на брата, а затем пристально на Юй Цинцзе, чувствуя легкую трогательность. По его наблюдениям, Сяо Хао никогда не задавал ему подобных вопросов о жизни, и, похоже, не слышал, чтобы он спрашивал об этом деда. Сяо Хао, будучи разумным, умел замечать слова и чувства других. К тем, кто относился к ним хорошо, он был добр и отзывчив, как маленький горшочек меда, он мог уговорить людей несколькими

словами. Но если кто-то был к ним злонамерен, он никогда никого не щадил. В последние годы Сяохао немного повзрослел, и, надевая тяжелые доспехи, защищал брата. Каждый раз, видя, что над Чан Ле могут издеваться, он спешил на помощь. Сяохао было всего десять лет. Ни он, ни его дед никогда не учили его этим принципам жизни и поведения. Возможно, у Сяохао возникало множество вопросов, на которые он хотел получить ответы. Но даже он и его дед не могли научить его так, как брат Юй. Если бы это были они, то могли бы сказать Сяохао, что они не могут позволить себе обидеть семью Цай, и должны уважать их, никогда не обижая. Но брат Юй говорил иначе. Он говорил, что эти люди такие же, как и они, обычные люди с радостями и печалью. Идеи брата Юя всегда отличались от других, были новаторскими, но необъяснимо убедительными. Чан Ле, с легкой улыбкой, поджал губы. Рядом с старшим братом Юй, люди чувствовали себя очень уверенно. Он вымыл посуду, взял ведро и, в хорошем настроении, отправился за водой. Общественный колодец находился в другом переулке. Когда он уже собирался подойти к колодцу, он увидел, как из переулка вышел человек. Он показался ему немного знакомым. Присмотревшись, Чан Ле понял, что это был тот самый мужчина средних лет, который в прошлый раз подставил их под жучков. Видя, как тот спешит уйти, Чан Ле с любопытством проследил за ним. Этот парень средних лет был очень плох. В прошлый раз он хотел поймать его, но старший брат Юй его остановил. Тенью скользил он за мужчиной по узким, заброшенным переулкам, сердце стучало в такт нарастающей тревоге. Куда ведёт эта тропа? К каким злодеяниям? Переулок вывел его к заброшенному двору, где царил тишина, нарушаемая лишь шелестом ветра. В полуразрушенном доме, за распахнутой дверью, он увидел молодого человека, с холодным взглядом и острым умом. — Молодой господин Ван, — льстиво заговорил мужчина средних лет, — что вам угодно? — В прошлый раз ты не справился, — ответил молодой господин Ван, — и мы с отцом были недовольны. Но, учитывая твои трудности, я даю тебе ещё один шанс исправиться. — Что вы имеете в виду? — с надеждой спросил мужчина, ища в глазах молодого господина хотя бы намёк на сочувствие. Молодой господин Ван оглянулся по сторонам, словно проверяя, нет ли лишних ушей, и, доставая из-за пазухи бумажный пакет, сказал: — Можешь положить это в ларёк с едой. Мужчина с тревогой взгляделся в пакет: — Это? — Слабительное, — ответил молодой господин Ван, не скрывая злорадства. — Мастер Ван, — заговорил мужчина, голова его поникла, — не то, чтобы я не хотел этого делать, но в прошлый раз, когда меня обнаружили, все уже знали меня в лицо, и я не смог бы уйти, даже если бы захотел. Молодой господин Ван усмехнулся, показывая зубы: — Я не просил тебя идти лично. Ты можешь найти кого-нибудь другого. В твоей семье так много людей, делай, что хочешь. Мужчина средних лет ещё колебался, и тогда молодой господин Ван вытащил из кармана ещё один, на этот раз уже не сладкий, а горький пилюлю: — Ваш сын ещё хочет работать в уездном управлении? Подумай об этом. Слова молодого господина Ван прозвучали как приговор. Мужчина с безнадежным вздохом взял пакет и сказал: — Будьте уверены, молодой господин Ван, я обязательно все сделаю. — Хорошо, не забудь найти кого-нибудь поумнее. — Да, тогда я пойду. Мужчина повернулся и ушёл, оставив молодого господина Ван наедине со своими злыми мыслями. А тень, что следовала за ним, продолжала своё невидимое путешествие в неизведанное будущее.